

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 17

САПФИРОВАЯ ПРИМА

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Сапфировая прима

<https://litres.ru/74090873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Блокадное лето 1943 года. Капитан НКВД Алексей Ухтомский находит в подвале особняка Матильды Кшесинской старую шкатулку. Внутри — дневники, письма и драгоценности знаменитой балерины. Но кто-то уже охотится за находкой. Убийства, яд, таинственные следы на шее жертв — всё ведёт в Стрельну, где, по слухам, Кшесинская спрятала сокровища.

Спустя десятилетия правнучка Алексея, искусствовед Анна Ухтомская, находит в архиве письмо с загадочной подсказкой. Она отправляется по следу, который ведёт её в особняк балерины, театральные подвалы и заброшенную дачу. За ней охотятся коллекционеры и иностранные разведки. Но Анна не остановится — она должна найти правду и тех, кто готов убивать за тайны прошлого.

Сапфировый браслет, подаренный самим императором. Дневники, хранящие голос эпохи. Письма, которые не должны были увидеть свет. История о любви, предательстве, войне и памяти.

Что скрывает шкатулка Кшесинской? Кто готов убивать за её тайну? И сможет ли Анна остановить охотников за прошлым?

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ. «Тайник в подвале»	5
ЧАСТЬ I. «ПУАНТЫ»	10
ГЛАВА 1. «Труп в директорской ложе»	10
ГЛАВА 2. «Письмо из 1975-го»	16
ГЛАВА 3. «Танцовщик из Варшавы»	21
ГЛАВА 4. «Следы в подвале»	25
ГЛАВА 5. «Гребень ски	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сапфировая прима

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Тайник в подвале»

Время: 15 марта 1942 года, 14:00

Место: Ленинград, особняк Кшесинской, подвал

Блокада | Алексей Ухтомский

Мартовский ветер бил в лицо колючей снежной крупой, перемешанной с сажей. Алексей Ухтомский стянул с головы шапку-ушанку, потрянул её, и снег осыпался на бушлат мелкими белыми искрами. Он стоял у дверей особняка на Кронверкском проспекте и смотрел вверх — на массивный фасад с лепниной, которая уже начала осыпаться после полутора лет блокады. Здание выглядело как живой организм, который умирал вместе с городом.

Двадцать восьмой километр его личного блокадного марша. Алексей считал не дни — они давно слились в одно серое пятно. Он считал километры. Каждое утро — пешком через город, мимо расстрелянных домов, мимо саней с трупами, мимо людей, которые уже не смотрели по сторонам, потому что силы уходили только на то, чтобы дышать и двигаться.

В руке он держал предписание за подписью генерала Глухова: *«Осмотреть подвальные помещения особняка Кшесинской на предмет обнаружения имущества, имеющего государственную ценность. Капитану Ухтомскому А.Н. — исполнить в срок до 17 марта 1942 года.»*

Формальность. Таких предписаний ему приходило по десять в месяц. Город умирал, но НКВД продолжал искать ценности в разграбленных особняках. Кому это было нужно теперь, когда люди ели столярный клей и варили ремни из кожи, чтобы не умереть с голоду?

Алексей толкнул дверь. Та поддалась с протяжным скрипом — тяжёлая дубовая створка, обитая когда-то медью, теперь была чёрной от копоти и времени. Внутри пахло затхлостью, сыростью и чем-то сладковатым — запахом тления, который уже не выветривался даже из казённых помещений.

— Капитан Ухтомский, — представился он дежурному — молодому лейтенанту с бледным лицом и воспалёнными глазами. — Осмотр подвалов.

— Проходите, товарищ капитан, — лейтенант кивнул на лестницу в конце коридора. — Только там темно. Света нет уже два месяца. Фонарь нужен?

— Есть свой.

Алексей достал из кармана бушлата маленький фонарь — трофейный немецкий, с жёлтым лучом, который выхватывал из темноты куски реальности. Он спустился по каменной лестнице в подвал. Ступени были скользкими от сырости, перила холодными, как лёд.

Подвал оказался огромным — сводчатые потолки, стены из тёмного камня, в углах груды какого-то хлама. Когда-то здесь хранились вина из императорских подвалов. Потом — вещи балерины. Потом — разграбленный инвентарь. Теперь

— только тишина и запах мышиного помёта.

Алексей провёл лучом по стенам. В углу он заметил старый комод. Массивный, из красного дерева, с выдвижными ящиками, украшенными бронзовыми ручками. Комод был завален каким-то тряпьем — старыми занавесками, выцветшими от времени.

Он подошёл ближе. Отодвинул тряпки. Ящики были закрыты. Верхний не поддавался — замёрз или заклинил от времени. Алексей дёрнул сильнее — с треском открылся. Внутри лежала шкатулка. Небольшая, из красного дерева, обитая выцветшим бархатом. На крышке — вензель, почти стёршийся: две переплетённые буквы.

Он открыл крышку. Внутри шкатулки, аккуратно сложенные стопкой, лежали тетради в кожаных переплётках, стопка писем, перевязанных шёлковой лентой, и несколько бархатных футляров. Алексей открыл один из них. На бархатной подушке лежал браслет — тонкая золотая цепочка с крупным сапфиром. Камень переливался в свете фонаря глубоким синим огнём, словно кусочек неба, который кто-то заключил в золотую оправу.

Он поднёс шкатулку ближе к свету и увидел на одном из конвертов вензель. Те же две буквы, что и на крышке: «Н.А.» — Николай Александрович. Цесаревич. Будущий император. Тот самый, что расстреляли в Екатеринбурге в 1918 году.

У Алексея перехватило дыхание. Он держал в руках пись-

ма человека, которого уже нет в живых — человека, чья гибель стала началом конца. Он не знал, что в шкатулке. Он даже не был уверен, что имеет право её открывать.

Но это был приказ Глухова. И Алексей не мог послушаться.

Он перелистнул первую тетрадь. Почерк — женский, изящный, с наклонными буквами. Дневник. Он прочитал первую строку: *«23 марта 1890 года. Сегодня я танцевала перед императором. Я видела его глаза. Я видела, как он смотрел на меня.»*

Алексей закрыл дневник. Это было слишком личное. Слишком далёкое от того, что происходило сейчас — в городе, где люди умирали от голода, а он, капитан НКВД, рылся в шкатулке умершей балерины, читая её дневники.

Он уже хотел закрыть шкатулку и уходить, как вдруг услышал звук.

Шаги. На лестнице. Кто-то спускался в подвал.

Они были медленными, тяжёлыми, уверенными. Четыре шага, пауза. Ещё четыре, пауза. Как будто человек нащупывал путь в темноте. Или ждал, чтобы его заметили.

Алексей прижался к стене. Рука скользнула к кобуре. Он выключил фонарь. Темнота накрыла его плотным одеялом. Шкатулка осталась у него в руках. Он слышал своё дыхание и биение сердца. Шаги приближались.

Кто-то знал о тайнике. Или просто проверял подвалы, как и он. Но в интуиции Алексея, закалённой двумя годами блокады и ещё четырьмя — службы в НКВД, была уверенность:

тот, кто спускался, не был случайным. Он знал, куда идёт.

Шаги остановились у двери подвала. Скрипнула дверная ручка. Луч фонаря прорезал темноту — чужой фонарь, немецкий, такой же, как у Алексея.

— Есть кто здесь? — голос был хриплым, мужским.

Алексей молчал. Он сжимал шкатулку и ждал.

Человек постоял несколько секунд, потом выключил фонарь и ушёл. Шаги поднимались по лестнице — медленно, как будто человек не хотел уходить.

Алексей выдохнул. Он не знал, кто это был. Но он знал одно: он должен сохранить то, что нашёл. И он должен узнать, кто охотится за шкатулкой.

Он поднялся наверх, спрятал шкатулку под шинель и вышел на улицу. Мартовский ветер ударил в лицо. Город умирал. Но тайна, которую он держал под бушлатом, была жива. И она требовала ответов.

ЧАСТЬ I. «ПУАНТЫ»

ГЛАВА 1. «Труп в директорской ложе»

Время: 20 июня 1943 года, 10:00

Место: Ленинград, Мариинский театр, директорская ложа

Блокада | Алексей Ухтомский

Ленинград летом 1943 года был городом-призраком. Он выжил — вопреки всему, вопреки голоду, холоду, артобстрелам и смерти, которая бродила по улицам открыто, не таясь. Но выживание не означало жизнь. Город существовал в каком-то ином измерении, где время текло иначе, где люди научились не замечать смерти, но всё ещё боялись её.

Алексей Ухтомский шёл по Театральной площади, и его сапоги — новые, казённые, выданные по спецзаказу, — стучали по булыжнику. Он смотрел на Мариинский театр и не узнавал его. Величественное здание, гордость императорской сцены, стояло с пробитой крышей. Война не пощадила даже его. Апрельский снаряд угодил в левое крыло, выбил окна, оставил чёрные ожоги на колоннах. Но театр стоял. Как

и всё в этом городе, он отказывался умирать.

У входа его ждал лейтенант Смирнов — молодой, худой, с воспалёнными глазами, которые выдавали недосып и голод. Он вытянулся по стойке смирно, но в глазах мелькнуло узнавание. Смирнов был приставлен к Алексею после того, как тот спас его во время обстрела на Невском. С тех пор лейтенант смотрел на капитана с какой-то собачьей преданностью.

— Товарищ капитан, тело в директорской ложе, — доложил Смирнов. — Вызывали следователя из райуправления, но он... ну, вы знаете. Вчера его отправили на передовую. Сказали, вы разберётесь.

Алексей кивнул. Он привык. В блокадном Ленинграде следователи умирали чаще, чем преступники. Или их забивали на фронт, потому что людей не хватало даже для пушечного мяса.

— Кто нашёл?

— Уборщица. Пришла утром, открыла ложу, а он сидит в кресле. Она говорит, сначала подумала — спит. Потом увидела глаза. Глаза у него были открыты.

Алексей вошёл в театр. Внутри пахло пылью, сыростью и чем-то сладковатым — запахом, который он научился распознавать за два года блокады. Запах смерти. Он прошёл по пустому фойе, мимо колонн с облупившейся позолотой, мимо лестницы с выбитыми ступенями. Здание дышало разрухой, но сохраняло величие, как старый аристократ, который потерял всё, кроме своего имени.

Директорская ложа находилась на втором ярусе, с правой стороны от сцены. Алексей поднялся по лестнице, толкнул дверь и замер.

Фёдор Степанович Громов сидел в кресле. Точнее, он был мёртв уже несколько часов, но казалось, что он просто отдыхает. Руки сложены на коленях, голова чуть наклонена вперёд, глаза открыты. На лице — застывшая гримаса удивления. Как будто он увидел что-то, чего не ожидал, и это что-то стало последним, что он увидел в своей жизни.

— Странно, — сказал Смирнов, стоя у двери. — Он не похож на убитого. Спит и всё.

— Он не спит, — ответил Алексей, подходя ближе. Он наклонился, осматривая тело. — Посмотри на шею.

Смирнов подошёл. На шее Громова, почти незаметная на бледной коже, была тонкая красная полоска. Как след от лески. Или от струны. Алексей провёл пальцем по линии — она была ровной, как будто кто-то на секунду обернул что-то вокруг шеи и так же быстро убрал.

— Удушье, — сказал Алексей. — Тонкой струной или леской. Быстро и аккуратно. Он даже не успел понять, что умирает.

— Кто мог такое сделать?

— Кто-то, кто знал, где найти его. Кто-то, кого он не боялся.

Алексей подошёл к столику. На нём стоял пустой футляр от ювелирного украшения. Бархатный, внутри отпечаток от

колье. Он поднял его, понюхал. Ничего. Ни запаха, ни следов.

— Здесь было что-то, — сказал он. — Драгоценность. Кто-то забрал.

— Может, украли?

— Может. Но тогда зачем убивать? — Алексей повернул футляр в руках. На дне была выдавлена буква «М» и год — «1900». — Это работа Фаберже. Я видел такие футляры раньше.

Он положил футляр на место и начал осматривать карманы Громова. В левом внутреннем кармане пиджака он нашёл записку. Бумага была старой, пожелтевшей, но текст на ней был выведен чётким, аккуратным почерком: *«Вспомни Стрельну. Она знала.»*

Алексей перевернул записку. На обороте был адрес: *«Галерная улица, дом 12, квартира 7.»* Он знал этот дом. Особняк графа Шереметева — того самого, который дружил с Кшесинской.

Он поднял глаза на пустую сцену. Когда-то здесь танцевала Матильда Кшесинская. Ей аплодировал сам император. А теперь в директорской ложе находят труп старого администратора, который, судя по всему, знал о её тайнике.

— Смирнов, — сказал Алексей, не оборачиваясь. — Ты знаешь, что здесь было в 1917 году?

— В театре?

— В городе. Революция. Особняк Кшесинской захватили

большевики. Она бежала. Но перед этим она спрятала что-то. Я уверен.

— Что именно?

— Не знаю. Но Громов знал. И его убили за это.

Алексей сунул записку в карман и ещё раз осмотрел тело.

Громов был одет чисто, даже щеголевато — для блокадного времени это выглядело странно. Пиджак, хотя и старый, был отутюжен. Галстук завязан аккуратно. Туфли начищены до блеска. Казалось, он готовился к важной встрече.

— Он ждал кого-то, — сказал Алексей. — Или собирался на встречу. Не мог же он сидеть здесь просто так.

— Может, он ждал убийцу? — предположил Смирнов.

— Возможно. — Алексей подошёл к окну ложи. Оно выходило на Театральную площадь. Сейчас там было пусто, только редкие прохожие — сутулые фигуры в пальто и шинелях, идущие по своим делам. — Или он ждал того, кто знал о тайнике. И этот кто-то оказался убийцей.

Он перевёл взгляд на Громова. Grimаса удивления на его лице застыла так, что её можно было прочесть как последнее слово, которое он не успел сказать.

— Кто ещё знает о тайнике? — спросил Алексей вслух, хотя вопрос был обращён к самому себе.

Он взял со столика футляр, сунул его в карман шинели и направился к выходу.

— Лейтенант, останешься здесь, пока не приедет группа. Никого не пускай.

— Есть, товарищ капитан.

Алексей спустился вниз и вышел на площадь. Летний ветер пахнул гарью и речной водой. Он смотрел на Мариинский театр и думал о том, что только что началось расследование, которое может привести его в самые тёмные уголки ленинградской истории.

Он вынул записку и ещё раз прочитал адрес на обороте. Галерная, 12. Особняк Шереметева. Тот самый, где хранились письма и документы, связанные с Кшесинской.

«Кто ещё знает о тайнике?» — повторил он про себя.

Он чувствовал, что ответ на этот вопрос лежит где-то между строк записки. Или в старых дневниках, которые он прятал в своём тайнике. Или в том, что произошло в этом театре прошлой ночью.

Алексей посмотрел на небо. Оно было серым, низким, как будто город накрыла крышка гроба. Где-то на западе слышны были взрывы — немцы обстреливали окраины. Война продолжалась. Но в этом театре, в этой ложе, началась другая война — война за прошлое.

Он сунул записку в карман и зашагал по направлению к Галерной. Сзади, в окне директорской ложи, мелькнула тень. Смирнов вытирал пол и не заметил, как за ним кто-то наблюдает.

Алексей ускорил шаг. Он чувствовал спиной чужой взгляд.

ГЛАВА 2. «Письмо из 1975-го»

Время: 18 сентября, 11:30

Место: Санкт-Петербург, квартира Анны, кабинет

Наши дни | Анна Ухтомская

Сентябрьский свет сочился сквозь пыльные окна квартиры на Петроградской стороне. Анна Ухтомская сидела за столом, заваленным коробками с архивными папками, и чувствовала, как в висках стучит усталость. Третий месяц она разбирала бумаги Алексея Ухтомского, своего прадеда, и казалось, что конца этой работе не будет.

Она открыла очередную папку — пожелтевшую, с выцветшими чернилами на корешке. Внутри лежал конверт. Не такой, как все — плотный, с водяными знаками, на котором было написано аккуратным, старомодным почерком:

«Кшесинская. Лично. Вскрыть в 2000 году.»

Анна замерла. Она перечитывала надпись несколько раз, пытаясь уложить в голове смысл. 2000 год уже прошёл. Бумага пролежала в архиве на пятнадцать лет дольше, чем должна была.

Она открыла конверт. Внутри — письмо, сложенное вчетверо. Почерк был неровным, с дрожащими линиями — рука человека, который писал уже на склоне лет. Анна узнала его сразу: это был почерк Алексея.

«Дорогая Анна,

Если ты читаешь это письмо — значит, время пришло. Я всегда знал, что ты найдёшь его. Ты — моя правнучка, ты носишь ту же кровь, и ты должна знать правду.

Я нашёл шкатулку Кшесинской в 1942 году, в подвале её особняка на Кронверкском. Внутри были дневники, письма, ювелирные украшения. Там были вещи, которые могли изменить историю. Или разрушить её.

Я спрятал шкатулку в надёжном месте. Но я не могу сказать тебе где — в письме. Бумагу могут прочитать. Ты должна найти её сама.

Начни с особняка на Кронверкском. Там есть тайник. Фомин искал его, Глухов тоже. Но они не нашли. Ты — найдёшь.

Будь осторожна, Анна. Есть люди, которые охотятся за этой шкатулкой до сих пор. И они не остановятся ни перед чем.

Твой прадед, Алексей Ухтомский. 1975 год.»

Анна перечитала письмо дважды, потом ещё раз. Внутри нарастало странное чувство — смесь тревоги и любопытства. Она слышала о Кшесинской, конечно. Кто не слышал о знаменитой балерине, фаворитке императора? Но чтобы её прадед был связан с ней... Это меняло всё.

Она посмотрела на стопку папок на столе. В них были дела о фарфоре, о янтаре, о браслете Анастасии, о веере императрицы. Все эти истории были частью чего-то большого

— большой картины, которую она, как мозаику, собирала по кусочкам. И теперь в этой картине появился ещё один фрагмент.

Анна взяла телефон и набрала номер Никиты. Тот ответил после второго гудка:

— Анна? Ты что-то нашла?

Она услышала в его голосе напряжение. Никита всегда чувствовал, когда она натыкалась на что-то важное.

— Нашла, — сказала она. — Письмо. От Алексея. Он пишет о шкатулке Кшесинской. Говорит, что нашёл её в 1942 году в особняке на Кронверкском.

На том конце провода воцарилась тишина. Потом Никита произнёс медленно, почти недоверчиво:

— Шкатулка Кшесинской? Ты серьёзно?

— Вполне.

— Анна... Я слышал о ней. Но я думал, это легенда. Или фальшивка, которую запустили эмигранты в 1920-х. Говорят, там были дневники Николая II и драгоценности на миллионы...

— Это не легенда, Никита. Это правда. И она у нас в руках.

Она посмотрела на письмо, всё ещё сжимая его в руке. Бумага была тонкой, почти прозрачной, с характерным запахом времени — смесью старой бумаги и пыли.

— Мы должны поехать в особняк, — сказала она. — На Кронверкский. Сегодня.

— Анна, — голос Никиты стал серьёзным. — Ты понимаешь, что если это правда, то за этой шкатулкой могут охотиться очень серьёзные люди? Не просто коллекционеры. Люди, которые убьют за неё.

— Я знаю. — Она сжала письмо в руке. — Поэтому мы поедем вместе. И мы найдём её раньше, чем это сделают другие.

— Ты уверена?

— Я уверена, что Алексей не стал бы писать это письмо, если бы не хотел, чтобы я нашла шкатулку. Он ждал. Он верил, что я приду.

Никита вздохнул. Она слышала, как он что-то обдумывает, взвешивает.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я сейчас у тебя. Выезжаю. Будь готова.

Он отключился. Анна опустила телефон на стол и посмотрела на письмо. Она чувствовала на себе взгляд Алексея — невидимый, но осязаемый. Казалось, он стоял прямо за её спиной, улыбался в свои седые усы и ждал, когда она сделает первый шаг.

Она сложила письмо, убрала его в конверт и начала собираться. Куртка, ключи, телефон, фотоаппарат. Всё, что могло пригодиться.

Перед выходом она остановилась у зеркала. В отражении она увидела не просто Анну Ухтомскую — молодую женщину с острым взглядом и собранными в пучок волосами.

Она увидела продолжение той линии, которую начал Алексей. Линии, которая не прерывалась даже через поколения.

Она была готова. И в этот момент, глядя на себя в зеркало, она поняла, что её жизнь никогда уже не будет прежней.

Она вышла из квартиры и закрыла за собой дверь. Сзади, на столе, осталось письмо, оставленное раскрытым, как будто Алексей всё ещё держал его в руках, ожидая её возвращения.

ГЛАВА 3. «Танцовщик из Варшавы»

Время: 1872 год, Лигово

Место: Лигово, дом Кшесинских

Флэшбек | Матильда Кшесинская

Лигово пахло сыростью и прелой листвой. Августовский вечер 1872 года опускался на деревню лёгким туманом, который полз с Финского залива, окутывая низкие деревянные дома и заборы, поросшие мхом. В доме Кшесинских было шумно — рожала Юлия, жена Феликса, актриса варшавского театра, которая давно оставила сцену ради семьи.

Феликс Кшесинский стоял в гостиной и смотрел в окно. Ему было двадцать шесть лет, он был знаменитым танцовщиком, польским шляхтичем по происхождению, и всю свою жизнь он посвятил балету. Теперь он ждал рождения ребёнка — второго в семье, после Юли, которая уже ходила в школу.

Акушерка вышла из спальни с усталым лицом и улыбнулась:

— Поздравляю, пан Кшесинский. У вас дочь.

Он вошёл в комнату. Юлия, бледная, с влажным лбом, лежала на кровати и держала на руках маленький свёрток. Но-

ворождённая была крошечной, с тёмным пушком на голове и сморщенным лицом. Она не кричала — лежала тихо, как будто рассматривала этот мир своими ещё не открытыми глазами.

— Она красивая, — сказал Феликс, присаживаясь на край кровати. — Как ты.

— Она будет такой же, как мы, — прошептала Юлия. — Танец в её крови.

Феликс протянул руку и коснулся пальца дочери. Маленькая ручка сжала его палец с удивительной силой.

— Я назову её Матильдой, — сказал он. — В честь моей матери.

— Матильда, — повторила Юлия, пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Для балерины.

Он улыбнулся и поцеловал жену в лоб. Он не знал, что через пятьдесят лет это имя будет греметь на весь мир. Что его дочь будет танцевать перед императором, что её будут любить князья и бояться большевики. Что она станет легендой.

Но это всё было впереди. А пока в доме на краю Лигово пахло хлебом и молоком, и маленькая Матильда спала в колыбели, не зная, что её ждёт.

Прошло три года.

Матильда была живым, подвижным ребёнком с большими голубыми глазами и непослушными каштановыми кудрями.

Она бегала по дому, забиралась на стулья, падала, но ни разу не плакала. Она была похожа на отца — такая же энергичная, такая же одержимая движением.

Феликс часто брал её с собой в театр. Он репетировал в маленьком зале на окраине Лигово, и Матильда сидела в углу, смотрела на него и затаивала дыхание.

Она видела, как он летает. Сцена была для него не просто деревянным настилом — она была небом. Он взлетал, кружился, падал и снова взлетал. Каждое движение было идеальным, отточенным годами тренировок. Он не просто танцевал — он жил танцем.

В тот день она сидела на полу, поджав под себя ноги, и смотрела, как отец репетирует соло из «Жизели». Он двигался по залу с такой грацией, что Матильде казалось, будто он плывёт над полом.

— Папа, — позвала она.

Феликс остановился, вытер пот со лба и посмотрел на неё:

— Что, маленькая?

— Я тоже хочу летать.

Он улыбнулся, подошёл к ней и присел на корточки:

— Будешь, Матильда. Ты будешь летать выше всех.

— Правда?

— Правда. — Он коснулся её щеки. — Но для этого нужно много работать. Ты готова?

— Да! — Она кивнула так энергично, что кудри запрыгали.

Он рассмеялся и поднял её на руки, закружил по комнате. Она смеялась, запрокинув голову, и чувствовала себя птицей, которая учится летать.

С тех пор Феликс начал заниматься с ней. Сначала — простые упражнения, растяжка, позиции. Он был строгим учителем, но Матильда не боялась его. Она впитывала каждое слово, каждое движение. Она хотела стать такой же, как он. Нет, лучше.

Она была так мала, что едва доставала до его пояса. Но в её глазах горел огонь, который он видел только у самых талантливых. У тех, кто не просто танцует, а живёт танцем.

— Ты будешь великой, — сказал он однажды, когда она с третьей попытки сделала арабеск.

— А что такое великой?

— Это когда о тебе будут говорить через сто лет.

Она задумалась, нахмутив брови.

— Через сто лет я буду старой, — сказала она.

— Старой, но великой, — ответил он.

Она не поняла до конца, о чём он говорит, но запомнила эти слова. Они остались в ней, как зерно, которое однажды должно было прорасти.

ГЛАВА 4. «Следы в подвале»

Время: 20 сентября, 14:00

Место: Санкт-Петербург, особняк Кшесинской, подвал

Наши дни | Анна Ухтомская

Сентябрьский воздух в Петербурге был тягучим, как старое вино, — смесь влажности, увядающей листвы и бензиновых выхлопов, которые поднимались от набережной. Анна стояла у входа в особняк Кшесинской на Кронверкском проспекте и смотрела на фасад, который помнил императоров, революцию и блокаду. Здание выглядело внушительно, даже величественно, но в его облике чувствовалась какая-то усталость — как у старой актрисы, которая продолжает играть, несмотря на возраст.

— Ну что, идём? — спросил Никита, стоя рядом с ней.

Он выглядел встревоженным, хотя старался этого не показывать. Анна заметила, как он переминается с ноги на ногу, как его пальцы теребят край куртки. Она знала его достаточно долго, чтобы понимать: Никита волнуется, когда чувствует опасность. А сейчас он чувствовал её особенно остро.

— Идём, — ответила она и толкнула массивную дверь.

Внутри пахло старой пылью, лаком и историей. В холле было полутемно, но свет падал через высокие окна, создавая причудливые узоры на паркете. Где-то в глубине зда-

ния слышны были голоса — экскурсовод что-то рассказывал группе туристов.

Анна подошла к администратору — молодой женщине с уставшим лицом и очками в металлической оправе.

— Здравствуйте. Мы договаривались с директором. Анна Ухтомская, искусствовед. Нам нужно осмотреть подвалы.

Администратор кивнула, не задавая лишних вопросов. Она достала ключи и протянула их Анне:

— Директор предупреждал. Спускайтесь осторожно, там темно и сыро. Фонарь вам нужен?

— У нас есть, — ответил Никита, доставая из кармана компактный LED-фонарь.

Они прошли через холл к лестнице, ведущей вниз. Ступени были старыми, каменными, с выщербленными краями. Перила — холодными и скользкими, как будто их покрыли тонким слоем льда. Анна спускалась осторожно, держась за них, и чувствовала, как воздух становится тяжелее с каждым шагом.

В подвале было темно и сыро. Пахло плесенью, мокрым камнем и чем-то металлическим — наверное, старые трубы, которые тянулись вдоль потолка. Анна включила фонарь, и луч света выхватил из темноты стены, покрытые солёными разводами, и старые стеллажи, почти развалившиеся.

— Здесь, — сказала она, осветив угол. — В письме Алексея было написано: «В углу, за старым комодом».

Они подошли к комоду. Тот самый — из красного дерева,

с бронзовыми ручками, покрытыми зеленью. Анна провела рукой по поверхности. Дерево было холодным, гладким, почти полированным временем.

— Помоги мне отодвинуть его, — попросила она.

Никита подошёл, и они вместе сдвинули комод в сторону. За ним открылась стена, выложенная старым кирпичом. Анна провела лучом по кладке.

— Здесь, — сказала она, указывая на один из кирпичей. — Он выглядит иначе. Свежее.

Она постучала по нему костяшками пальцев. Звук был глухим, но не таким, как у соседних кирпичей. Полая ниша.

— Дай мне что-нибудь, чем можно поддеть, — сказала она.

Никита нашёл старый обломок металлической трубы. Анна взяла его и начала поддевать кирпич. Тот поддался не сразу — раствор крошился, как старая штукатурка, но наконец кирпич выпал, оставив чёрный зев в стене. Анна засунула руку внутрь, чувствуя холодный воздух, который шёл из глубины.

Её пальцы коснулись чего-то твёрдого, бархатистого. Она вытащила футляр. Небольшой, обтянутый бархатом, с выцветшим шелком внутри. Она открыла его. Внутри лежал пустой отпечаток от ожерелья.

— Пусто, — сказала она разочарованно.

Никита подошёл ближе. Луч его фонаря упал на крышку футляра. Там была надпись, выведенная изящным, старомодным шрифтом.

модным почерком: «М.Ф. — А.В. — 1917».

— М.Ф., — прочитал Никита вслух. — Матильда Феликсовна. А.В. — Андрей Владимирович. Её муж. 1917 год.

— Год революции, — сказала Анна. — Тот самый год, когда она бежала из Петрограда.

Она перевернула футляр. На дне, приклеенный старым, пожелтевшим клеем, лежал кусок бумаги. Она поддела его ногтем, и бумага отделилась с тихим шелестом. Она развернула её. На ней были написаны координаты — широта и долгота, аккуратным, каллиграфическим почерком.

— Это не Петербург, — сказала Анна, всматриваясь в цифры. — Это Стрельна.

Никита замолчал. Он смотрел на бумагу, как на бомбу замедленного действия.

— В Стрельне, — повторил он медленно. — Там была дача Кшесинской. Говорят, там был тайник.

— Не говорят, — ответила Анна, пряча бумагу в карман куртки. — Я знаю. Там был тайник. И я найду его.

Она подняла глаза на Никиту. В её взгляде была решимость, которая пугала его и восхищала одновременно.

— Ты понимаешь, что мы можем найти там? — спросил он.

— Понимаю. — Она сжала футляр в руке. — Мы найдём правду. Или то, что осталось от неё.

Они вышли из подвала, оставив за спиной темноту и сырость. Наверху, в холле, пахло историей и увяданием. Но Ан-

на чувствовала, что история только начинается.

ГЛАВА 5. «Гребень ски

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.